

АНДРЕЙ ОНИСТРАТ

КАК Я ПРО\$РАЛ БАНК

«Моноліт»
Дніпро — 2019

УДК 82-312.6
ББК 83.3
О-58

О-58 Как я про\$рал банк / Андрей Онистрат. — Днепр: Монолит, 2019. — 304 с.

ISBN 978-617-577-164-8

Миллионер из подземного перехода; создатель компаний, проданных с трехкратным мультипликатором; бегущий банкир, спортсмен, не раз становившийся чемпионом; отец шестерых детей и вдохновитель для сотен тысяч людей — об Андрее Онистрате не слышал только ленивый.

В своей автобиографической книге он без купюр рассказывает, как в нашей стране «дела делаются», не боится упоминать высокопоставленных персон, показывает политическую и экономическую изнанку скандальных событий и делится уроками, стоившими ему огромных душевных и физических сил, состояния и едва ли не жизни.

Это не «прилизанная» история успеха, а история борьбы. С самим собой, с обстоятельствами, с друзьями и недругами, с системой. Откровенная история головокружительных побед и горьких поражений — в спорте, бизнесе и личной жизни. Но самое главное — она еще не закончена...

© Андрей Онистрат, 2019

© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство “Монолит”», 2019

Все права защищены, в том числе право частичного или полного воспроизведения в любой форме.

Правовую поддержку издательства обеспечивает компания Web-protect.

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции.
Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

ISBN 978-617-577-164-8

Содержание

Пролог	9
Меняла	15
Хорошее дело браком не назовут	25
Банкир	35
Теннис. Большой	43
Первый миллион	55
Побег	59
Возвращение	69
Семья 2.0	75
Мотоспорт	87
Семья 3.0	99
«Укрсоцбанк»	105
Мотоспорт. Продолжение	119

Марафон. Начало	127
Прощай, «Укрсоц»!	135
«Национальный кредит»	149
Семья 4.0	169
Марафон: World Marathon Majors	179
Триатлон.	221
Банк. The lost...	245
Как я просрал банк. Начало	255
«Двадцать лет» спустя	281

Основная часть этой книги написана весной 2016 года. Она создавалась, что называется, по горячим следам. Это отражение моей жизненной ситуации и мироощущения в то время. Все эмоции, размышления и события сохранены до мельчайших подробностей.

Сейчас — на момент издания книги, — спустя почти три года, мне есть что добавить. Время не стоит на месте, все мы растем и совершенствуемся с каждым днем. Многого теперь видится под другим углом, в ином ракурсе. Так, последняя глава книги — это свежий взгляд на знаковые события моей жизни, своего рода послевкусие, история «двадцать лет» спустя. И хоть прошло с тех пор чуть менее трех лет, для меня это был непростой, важный и весьма показательный период, который по ощущениям приравниваю к двадцати и даже более годам. Отсюда — название главы.

Но и это еще не финал. Человек развивается, совершенствуется, пересматривает взгляды и позиции, познает себя до тех пор, пока он жив. «Всё» — это когда сверху падает земля. Тогда можно подвести черту, резюмировать достижения и обозначить итоги. А пока... все еще впереди.

Пролог

*Лучше быть нужным,
чем свободным.**

В ПЕРВЫЕ ЭТИ СТРОКИ из забавной бардовской песни я услышал в 1998 году. После первого серьезного кризиса в моей жизни, когда мне по-настоящему хотелось махнуть на все рукой и уйти в горы, я... ушел в горы. Мне отчаянно хотелось оказаться в месте, где меня не достанут сигналы сотовых вышек и электронные письма, и получить то самое «время наедине с собой», о котором говорил далай-лама. В ту пору спрятаться от цивилизации было несложно. Мобильные, как карета в сказке про Золушку, превращались в бесполезный хлам сразу за окружающей любого крупного города. Чтобы оказаться в зоне недосягаемости, хватило бы и часа езды на машине от столицы. А часов за пять-шесть можно было добраться до такой глуши, что даже из радиоприемника там доносилось лишь невнятное шипение. Но мне нужно было уехать по-настоящему далеко...

Это сейчас укатить в Тибет легко. А в 1998 году, когда о существовании Google знали только Ларри Пейдж и Сергей Брин, организовать поездку было непросто. Туристический бизнес

---

* Слова из песни Георгия Васильева и Алексея Иващенко (дуэт «Иваси») «Приходи ко мне, Глафира!». — *Прим. ред.*

на просторах бывшего СССР только начинал развиваться, и такими малопопулярными направлениями занимались лишь отдельные энтузиасты, о существовании которых можно было узнать только при огромном желании. Но мне удалось найти одну московскую компанию, которая как раз собирала группу в Тибет. К ней я и присоединился.

В нашей компании было много интересных персонажей, что вполне объяснимо, если учесть цель нашего общего путешествия. Не то чтобы все они были «шедеврами», но пару человек я запомнил на всю жизнь. Один из них — альпинист Эльгиз. Внешне он походил то ли на татарина, то ли на казаха, но хорошо, хоть и не без акцента, говорил по-русски. И запомнился он мне вовсе не беседами «за жизнь», которых было много, почти так же много, как длинных и монотонных переездов на «уставших» джипах, а своими кассетами. Помните анекдот* про двух парашютистов и яблоки? У Эльгиза не было яблок, но были кассеты. Как только мы забирались в джип, Эльгиз доставал очередную кассету и совал ее в магнитоу, на пару часов погружая всю компанию в мир авторской песни. Так в моей жизни появился Олег Митяев, с которым я потом долго искал встречи, спустя несколько лет познакомился и даже привез в Киев. Так в моей жизни появилось несколько песен, изменивших меня. Несколько строк, которые навсегда перевернули мое отношение к жизни. Я даже сейчас готов показать точное место, где впервые услышал серьезные слова из откровенно несерьезной песни: «Лучше быть нужным, чем свободным». В тот момент я был абсолютно свободным и абсолютно ненужным. Тогда я и понял, что должен стать социально значимым человеком.

* Сбросили с самолета двух парашютистов. Летят они рядом. Один другого спрашивает: «Хочешь яблоко?» Съели они по яблоку. Потом первый предложил еще по яблоку. Съели и эти. Дальше летят. Первый опять предлагает яблоко. «Ну давай, — соглашается второй. — Слушай, а откуда ты их берешь?» — «Да из рюкзака у тебя за спиной». — *Прим. ред.*

Домой я возвращался не просто с намерением «изменить что-то в жизни». У меня были цель, стратегия и план действий. Я понял, что мне нужно быть публичным; я понял, что мне нужно покончить с грязным конвертационным прошлым; я понял, как мне начать строить свою империю. Бизнес-империю и империю моей жизни.

Впрочем, формула «лучше быть нужным, чем свободным» вовсе не так категорична, как может показаться. И по мере того, как я шаг за шагом продвигался к поставленной цели, становясь социально значимым, я терял свободу. Между тем, и сейчас я это особенно хорошо понимаю, каждому человеку важно находить время, чтобы побыть наедине с собой. То время, когда ты можешь спокойно, без суеты, телефонных звонков, деловых обедов и праздных тусовок, поговорить с собой. И я не знаю лучшего способа получить эти пару часов в день, чем спорт.

В отличие от большинства увлеченных спортом людей, у меня не было долгих — в десяток лет — провалов. С набором лишних двадцати килограммов, одышкой и тянущими болями в пояснице. Еще в школе у меня выработалась привычка заниматься спортом. Я вырос, а привычка осталась. Так что каждый раз, когда я сталкивался с чем-то, что мне казалось интересным, я погружался в новое увлечение. В двадцать пять лет я занялся теннисом, в двадцать восемь — мотоспортом, ему на смену пришел бег, который в свою очередь я обменял на триатлон. Где-то в промежутках были лыжи, сноуборд, дайвинг, виндсерфинг, кайтсерфинг. Я нырял в новый опыт с головой. Находил тренера, погружался в тусовку, искал любой повод для общения со звездами. Я, как самолет из заправщика, набирал полные баки опыта, чтобы совершить новый перелет.

Я знаю, что очень многие считают спорт неприемлемой тратой времени. Немало людей относят к числу паразитов, пожирающих время, и семью. А между тем и спорт, и семья — в действительности неиссякаемый ресурс. Я поневоле часто

сравниваю себя с Николаем Лагуном*. Мы учились с ним в одной группе в университете, долгое время работали в одном банке, хоть и на разных должностях. И, по сути, шли к своим бизнес-целям параллельными курсами. И почти в один и тот же момент потеряли все, что имели. Как и у меня, после кризиса у него остались лишь обязательства. Конечно, масштаб отличается в десятки или даже сотни раз, но в сухом остатке мы пришли к одной и той же точке. Вот только из бонусов у Николая Лагуна — мешки под глазами да пара десятков килограммов лишнего веса. Меня же по возвращении домой сбивают с ног счастливые дети. И я точно знаю, кому из нас будет сложнее выбраться из этого кризиса.

* Николай Лагун — украинский бизнесмен, миллионер. Собственник семидесяти процентов акций «Дельта Банка», признанного в 2015 году неплатежеспособным. — *Прим. ред.*

Меняла

МЕНЯ ЧАСТО СПРАШИВАЮТ, где взять первый миллион. Спрашивают не ради забавы, но и вовсе не для того, чтобы узнать какое-то секретное место, откуда берутся те самые первые миллионы. «Легко, — говорят мне, — заниматься спортом, когда у тебя есть миллион. Все эти твои мотогонки, сборы, велосипеды — откуда этому всему взяться, если нет миллиона?»

Давайте-ка расставим все на свои места. Во-первых, договоримся о терминологии. Миллионер лишь тот, у кого физически на руках есть миллион в кэше. Лежит ли он в чемодане, закопан ли в огороде или размещен в тщательно охраняемом банковском хранилище — неважно. Главное, к нему есть прямой и практически мгновенный доступ. Забудьте о квартирах, яхтах, машинах, дачах, банке красной икры в холодильнике и подаренном коллегами в честь юбилея арманьяке, ожидающем на пыльной полке подходящего по статусу торжества и собутыльника. Все эти блага, конечно, тоже активы, имеющие какую-то стоимость. Их приятно созерцать — греют душу; их охотно считают в качестве капитала во всевозможных рейтингах богатых и влиятельных, но к заветному миллиону они имеют опосредованное отношение. И их ликвидность весьма условна и отнюдь

не мгновенна. И потом, если начать считать и эти активы, бабушка-пенсионерка, упорно отказывавшаяся от предложений продать квартиру в центре столицы на протяжении долгих лет, — тоже миллионер. Да, она едва сводит концы с концами, не считает зазорным нагнуться за десятикопеечной монетой на грязной и запыленной троллейбусной остановке, но даже в самый жесткий кризис ее состояние оценивалось шестизначными числами. А уж как богата она была в конце 2007-го... В общем, избавьтесь от иллюзий: миллионером можно назвать только того, кто реально держит в руках миллион.

Во-вторых, и это самое главное, миллиона у меня сейчас нет. Вместо него я, как новогодняя елка гирляндами, увешан обязательствами. Так будет не всегда, но в эту самую секунду все так и есть. Я сейчас работаю с этими обязательствами. Часть из них мне удастся конвертировать из пассивов в активы, запустив с кем-то, например, совместный бизнес. Часть вынужден буду списать, поскольку люди, перед которыми я несу обязательства, отказались от всех «хороших» вариантов и пошли «по-плохому». С привлечением прокуроров, полиции, рэкетиров, бандитов. Мне несложно их понять и даже есть что предложить. Но только не миллион, которого у меня попросту нет. И ведь что любопытно: это удручающее обстоятельство вовсе не останавливает жизнь, не разрушает семью и даже не мешает заниматься спортом. В головах людей, полагающих, что миллион первичен, что лишь вслед за ним появляются семья, спорт и здоровье, существует четкая модель. Если примерить ее на мою нынешнюю ситуацию, выйдет, что я должен либо отбросить все и сконцентрироваться исключительно на зарабатывании миллиона, либо наложить на себя руки. Ибо, согласно их картине мира, без него невозможно ничто иное.

В другой модели, которой придерживается немалое количество людей, включая и меня самого, спорт, бизнес и семья — три параллельные линии. Они в известной мере зависимы друг

от друга и, в отличие от евклидовых прямых, даже пересекаются, но остаются параллельными. То есть такими, которые не мешают развиваться одна другой. И каждой из них нужно уделять время. Каждой нужно заниматься. Не от случая к случаю, когда посетит вдохновение или выпадет минутка-другая, а системно и ежедневно. Каждая из этих сфер требует огромной ответственности. Но беда в том, что часто люди боятся брать на себя ответственность. Один никак не решится «купить» дорогого тренера и начать заниматься спортом, отбросив эту дурацкую приговорку «для себя». Второй боится уволиться со скучной, бесперспективной и неинтересной работы и начать собственный бизнес или освоить профессию, о которой мечтал. Третий пытается вычислить идеальное время для рождения ребенка, всякий раз находя вполне объективные причины еще немного подождать. В действительности каждый из этих троих страдает одним и тем же недугом — страхом перед ответственностью. Между тем все это только в нашей голове. Научиться брать ответственность можно. Причем это не так сложно, как кажется. Достаточно лишь с чего-то начать. С чего-то небольшого. Со временем это станет привычкой.

Вам может показаться, что это слишком сложно. Дескать, нагрузив себя сверх меры ответственностью и обязательствами, недолго и с ума сойти. Потерять аппетит и сон, разрушить семью, загубить здоровье. Отчасти я вынужден согласиться с таким умозаключением. При такой тактике вам обеспечен как минимум острый дефицит времени. Но у медали есть и другая сторона. Взяв на себя ответственность, вы лишаете пищи свою внутреннюю лень. И не сомневайтесь, не спорьте — лень есть у каждого. Вопрос в том, какой соцпакет она получает от нас каждый день и как часто мы ее балуем премиями и надбавками. Ветируйте свой внутренний закон, наделяющий вашу лень правом на дотации и льготы, запретите ей исполнять обязанности директора, переведите ее на хлеб и воду.

Как? Возьмите на себя ответственность. Больше нет возможности спрыгнуть с утренней тренировки, ведь накануне вы договорились с соседом в семь пятнадцать встретиться у подъезда и побежать вместе. Когда берешь на себя обязательства, быстро понимаешь, что у тебя нет времени. Ни на что. Плохо? Отнюдь. Именно сейчас ты вынужден полностью переоценить свое представление о времени и расставить, наконец, приоритеты. Выяснить, что просмотр вечерних новостей лишь пожирает время, которое можно было уделить семье, тренировке, прогулке с собакой, купанию детей. Завершить презентацию, изучить возможности для нового проекта. Да просто почитать хорошую книгу.

Я твердо убежден, что каждому следует прежде всего научиться брать на себя ответственность. Не жить ожиданиями, уповая на милость то президента, то депутатов, то директора предприятия, на котором трудисься. А брать на себя ответственность и начинать что-то делать. Сотни миллионов людей на постсоветском пространстве каждый день с чувством глубокого отвращения садятся в трамваи, троллейбусы и личные автомобили и отправляются на ненавистную работу. Где начальник — самодур, где нужно делать то, чего делать не хочется. Где одни совещания сменяются другими, где нужно лбом пробивать рукотворные стены, чтобы добиться в общем-то ненужного тебе самому результата. Мы делаем так изо дня в день сами и учим этому наших детей. «Работа — это то, что надо. Хочу — это о другом». А между тем, согласно недавнему вычитанному мною прогнозу, к 2035 году в США порядка половины трудоспособного населения будет работать в режиме аутсорса. Люди будут самозанятыми. Субъектами предпринимательской деятельности, если хотите. Только вдумайтесь в эту цифру! Это совершенно разные люди: мужчины и женщины, взрослые и совсем молодые, красивые и не очень, полные и худые, темнокожие и азиаты. Хотя, впрочем, у них будет одна общая

черта: они научатся брать на себя ответственность. Они не будут ждать пособия по безработице, повышения зарплаты или карьерного роста. Они будут создавать добавленную стоимость и обеспечивать свои семьи.

Если вам не нравится то, чем вы занимаетесь, — бросайте немедленно. Но прежде ответьте на простой вопрос: хотите ли вы развиваться, готовы ли взять на себя ответственность? Я понимаю, что наша природная лень, стремление вернуться внутрь тщательно выстроенной зоны комфорта подталкивают нас к неверному ответу. В таком случае нужно попытаться создать вокруг себя ситуацию, в которой возможен только правильный ответ. Больше нет сил ходить на работу, выполняя «никому не нужные задачи» с девяти до восемнадцати? Увольняйтесь. Кризис, рынки падают, нет вакансий? Тем лучше. Увольняйтесь немедленно! И добро пожаловать в клуб «умных». Хочется быть «красивым»? Получать гарантированную зарплату каждый месяц, вечера пятницы проводить за пивом с друзьями в баре для «белых воротничков», снимая стресс? Пожалуйста! Путь открыт. Только не стоит пытаться усидеть одной задницей на двух стульях одновременно. Как в знаменитой трилогии «Матрица», выбрать можно только одну таблетку. Я знаю это, потому что пробовал и одну, и вторую пилюлю. Я начинал как «умный», потому что иного выхода не видел, затем пробовал на зуб путь «красивых» и вновь возвращался к «умным».

Путь «умных» на заре своей бизнес-карьеры я выбрал вовсе не потому, что он был таким уж сладким. И даже не потому, что это было модно. Наоборот, в то время, когда я учился в институте, «умных», то есть людей, решивших начать собственный бизнес, даже если «бизнесом» по многомудрым книгам его и не назвать, было ничтожно мало. О них не писали в журналах, их не показывали по телевизору и уж тем более не включали в рейтинги. А потому для подавляющего большинства граждан нашей в недавнем прошлом необъятной родины они существо-

вали лишь в качестве персонажей далеких легенд. Вроде Змея Горыныча. В 1992 году мало кто имел хотя бы отдаленное представление о частном бизнесе. Среднестатистический студент мечтал попасть в «жирную» компанию на престижную зарплату в пятьдесят долларов. Мы и не помышляли о собственном бизнесе, аутсорсе. Только краем уха слышали о каких-то западных миллионерах, частном капитале и свободном рынке. Наше представление о бизнесе черпалось из потрепанной настольной «Монополии» с засаленными деньгами-фантиками и монетками вместо фишек. И я не был исключением. Мы не мыслили категориями свободного мира и пребывали в каком-то аквариуме. Который уже треснул и дал течь, но все еще не пропускал внутрь ни воздуха, ни звуков.

* * *

Я совершенно презрительно относился к контрацепции. Это, на первый взгляд не имеющее никакого отношения к истории, обстоятельство сыграло едва ли не решающую роль в моей судьбе. Потому что однажды моя девушка Лена Спиваковская с трепетом в голосе сообщила мне, что беременна. Как парень воспитанный, я принял эту новость со всей полнотой ответственности. Не стал отрицать своего очевидного отцовства, не рассматривал вариантов с абортами, не делал предложений «видеть ребенка по выходным». Я просто и незатейливо, как и подобает хорошо воспитанному молодому человеку, женился на Лене.

* * *

Это было очень непростое время. Тогда вся страна жила впроголодь. Отсутствие нормального полноценного питания не сложно переносить, будучи одиноким студентом. Но когда у тебя на руках маленький ребенок, пустому холодильнику нет оправданий. Конечно, как могли, нам помогали родители, но сверхвозможностей тогда не было ни у кого. Мы считали

копейки, отказывали себе во всем, с калькулятором вычисляли, что дешевле: купить колбасы или кусочек мяса. Разумеется, я искал работу. Но тогда, как, впрочем, и сейчас, на столбах не клеили объявлений из серии «Ищем молодого талантливого парня, чтобы платить ему большую зарплату». Бизнес только зарождался, в стране кипели страсти, прекрасно знакомые каждому, кто имел удовольствие пережить начало 1990-х в трезвом уме. Найти работу было очень сложно, а время поджимало. Потому я без раздумий согласился на предложение моего школьного товарища попробовать себя в экстравагантной профессии валютного менялы, которую он в ту пору как раз осваивал. «Слушай, — сказал он мне, — просто попробуй».

У меня в заголке было двести долларов — тот самый стартовый капитал, с которого и начался путь к миллиону. С ними-то я и отправился в знаменитую «трубу»* осваивать непростой и опасный труд валютного менялы. Это был риск, огромный и, что самое ужасное, почти неосызаемый. Темный переход, стаи жулья, рэкетиров и голодных ментов — жизнь не могла придумать более сурового способа вышвырнуть меня из зоны комфорта. Рискнуть всем капиталом, не получив каких-либо, даже минимальных гарантий.

Но в первый же день я заработал семнадцать долларов. Это были космические деньги. Для очень многих моих соотечественников эта сумма тогда составляла месячный заработок. В то время мы с Леной и маленькой Витой** жили всего-то на двадцать долларов в месяц. Но назвать эти деньги легкими при всем желании я бы не смог. Мероприятие это было, мягко говоря, опасным. Рисков было столько, что порой не вполне было ясно, чего следует опасаться немедленно, а что можно проигнорировать до поры. То и дело кто-то пытался всучить

* Подземный переход под площадью Независимости в Киеве. — Прим. ред.

** Виктория — старшая дочь Андрея Онистрата (от Елены Спиваковской). — Прим. ред.

фальшивые деньги, чуть ли не каждый день приходилось уносить ноги от рэкетиров, которых стало особенно много после того, как Кравчук* объявил амнистию, выпустив из тюрем десятки тысяч рецидивистов. Под ногами буквально горела земля. Плюс пеленки, плюс бессонные ночи с очень беспокойной Виткой. Для девятнадцатилетнего парня это был сущий ад.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что весь тот ужас был настоящим подарком для меня. Лучшего просто не придумаешь. В свои девятнадцать я научился быстро считать деньги и принимать решения. Быстрые, мгновенные решения. Поток, как на конвейере. Идут рэкетеры — решай, что делать. Бежать нельзя, потому что догонят. Нужно смешаться с толпой и тихо уйти. Тебя «запакуют» в милицейский «бобик» и отвезли в РОВД? Решай, кому и сколько дать, чтобы выйти. Договориться о крыше? С кем, как? Нет времени строить стратегии и вынашивать планы, не с кем проводить долгие совещания, некого пригласить в «рабочую группу». Жизнь быстрее твоих умозаключений. Нужно мчаться вперед, не оглядываясь, не притормаживая на перекрестках, не читая указателей. Принимать решения прямо сейчас. Никаких «переспать ночь с этой мыслью».

Вскоре я столкнулся с первой настоящей проблемой: мне остро понадобилась машина. У папы были выдавшие виды жигули, и он был не против мне их отдать. Но у меня не было прав. Идти на курсы, сдавать на права? Искать связи, чтобы купить их? Мне нужно было куда более простое и быстрое решение. И я нашел его: взял права у соседа. Он, в общем, мало походил на меня внешне, но ввиду естественной изношенности снимка «своим» документ мог оказаться для четверти мужского населения страны. Затем выписал доверенность от папы на право управления изрядно проржавевшими жигулями и ездил.

* Леонид Кравчук — украинский государственный и политический деятель; первый Президент Украины (5 декабря 1991 — 19 июля 1994). — Прим. ред.

Это было безумное, но жутко интересное время. Время, когда я научился принимать решения. Проблема большинства нынешних детей в том, что они полностью лишены возможности принимать решения. За них все решают родители. Будят их, кормят, сажают в машину и отвозят в школу. Родители знают, в какую спортивную секцию отдать ребенка, в какой кружок записать, чем накормить, во что одеть. Эти дети не могут принять простейших решений: что обуть, какой сок выпить. Есть и другие, которые приехали покорять столицу. Сами или с родителями, некогда сорвавшимися с насиженных мест в поисках лучшей жизни. Они устроены иначе. Они хотят принимать решения и хотят учиться их принимать. И будьте уверены: они научатся и оставят далеко позади тех, первых. Я не входил в число вторых, но обстоятельства вынудили меня сменить стратегию. Научили принимать решения и действовать.

Учитесь принимать решения, берите на себя ответственность. Не можете сами? Найдите того, кто даст вам столь необходимый волшебный пендель. Моделируйте ситуацию, в которой у вас не будет иного выхода. В марафоне после тридцатого километра запасы организма истощаются. Тело погружается в биохимический кризис, когда необходимо извлекать энергию отовсюду. По крохам собирать ее из источников, в общем-то для этого совершенно не приспособленных. Это искусственный кризис, в который ты погружаешь свое тело совершенно осознанно. Так почему же нельзя сделать это и со своей жизнью?

Я пережил массу кризисов, терял огромные деньги, меня грабили и пытали, меня «кидали» партнеры и люди, которых я считал друзьями. И хотя я никогда преднамеренно не создавал кризисов для себя, каждый из них принес мне много больше, чем отнял. Из каждой сложной ситуации я выходил более сильным. Ведь все, что не убивает, делает нас сильнее.

Хорошее дело браком не назовут

СЕЙЧАС, КОГДА ЗА СПИНОЙ остались прожитые годы и разрушенные семьи, я уверен, что не нужно жениться ни в восемнадцать, ни даже в двадцать пять лет. В этом возрасте мужчина просто физиологически, на гормональном уровне, не готов к серьезным отношениям. Не способен с точки зрения пережитого опыта строить семью, понять, в конце концов, кто же ему нужен. Осознать, в чем именно для него заключается ценность отношений: в анальном сексе или выглаженных носках, борце на плите или вылизанной дорогими косметологами коже ягодич. Только годам к тридцати пяти мужчина начинает соображать, чего хочет от отношений. Та же история и у женщин, только они понимают, чего хотят, лет на пять-семь раньше. Это не аксиома, вы можете возразить мне и даже привести конкретные примеры, доказывающие ошибочность моих суждений.

Дескать, есть немало семей, построенных еще со школьной скамьи и ныне живущих счастливой и беззаботной жизнью. Верю. Сам, если напрягусь, смогу припомнить один-два случая успешных ранних браков. Но на каждый такой кейс найдется десяток других, не столь сказочно прекрасных. С разбитыми тарелками и брошенными детьми, с жестким разделом толком еще не нажитого имущества. Статистика в этом смысле груба и красноречива, она не оставляет оптимистам шансов в споре: девяносто процентов браков, заключенных лицами, не достигшими восемнадцати лет, распадается в первый же год. Да и вообще, три четверти поставленных в паспорт штампов приходилось аннулировать в течение первых пяти лет. Конечно, риски есть и после тридцати пяти, но к этому возрасту гормональный фон стабилизируется, и мужчина уже неплохо соображает, чего именно он ждет от отношений с женщиной, какие роли готов играть сам, а каких нужно требовать от женщины.

Но это все я знаю сейчас, тогда же у меня не было подобных мыслей. Как, впрочем, не было и зрелого отношения к средствам контрацепции. Я не видел для себя иного решения, кроме как «связать себя узами священного брака» с той, которая носит моего ребенка. Я, как и большинство людей, рожденных в СССР, был носителем идеализированных представлений об институте семьи и брака. Дескать, все споры можно уладить, все трещины заштукатурить. Я не имел представления о том, что такое несчастливая семья, и уж тем более не знал, как с ней поступать.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — писал Толстой. На мой взгляд, классик был неправ. За исключением мелких деталей, несчастье одной несчастливой семьи мало отличается от несчастья другой. Внезапная влюбленность одного или болезнь другого, закончились деньги, уволили с работы — все это детали. Суть же заключается в том, что однажды каждый представитель несчастливой семьи понимает, что обречен на это несча-

стью на всю оставшуюся жизнь. Так было и со мной. Спустя три года после начала совместной жизни я понял, что здесь не буду счастлив. Понимала это и она. Начались какие-то параллельные процессы... Однажды я случайно увидел ее в метро с каким-то парнем. Они мило беседовали, смеялись — только что не обнимались. Меня разрывало от ревности, но потом и я начал засматриваться на девушек...

Меня грузило постоянное отсутствие еды дома, хотя продукты, из которых можно было приготовить ужин, на кухне всегда были. Я хорошо это знал, потому что сам их покупал. Но на плите неизменно обнаруживал... Нет, не борщ. Огромную синюю кастрюлю, в которой одиноко плавала синяя курица и единственная луковица. Это блюдо «от шефа» навсегда врезалось в мою память. Есть было нечего, когда не было денег, но и когда деньги уже появились, рацион существенно не поменялся. Я кормил мою беременную Лелечку домашним творогом, для чего нужно было сначала отстоять сорокаминутную очередь в гастрономе за молоком в синих пакетах с колосками. А затем из трех литров молока путем нехитрых, но хлопотных манипуляций получить чуть больше полукилограмма творога.

У Лели был огромный живот, и мы каждый день его выгуливали в лесу. На прогулку с нами всегда отправлялась наша кошка. Верная, как немецкая овчарка, упорная, как бультерьер. На удивление всем соседям она каждый раз отправлялась на прогулку вместе с нами и все то время, что мы бродили по округе, ни на шаг не отставала от меня. В отличие от Лели, которая, как бы я ни замедлялся, всегда шла в десяти шагах позади. Такая у нее была тактика.

Нет, все вовсе не было так плохо. Леля стала чудесной матерью для Виты, она проявляла просто фантастическую заботу о дочери. Вита почти не болела, но отказывалась спать. Потому я регулярно отправлялся с ней на ночные прогулки, чтобы дать Леле немного поспать. Я катал коляску по темным улицам, и Вита крепко спала.

Утром я ехал в университет, потом в «трубу» работать менялой. По дороге домой — гастроном, и все по кругу. Не знаю, как я это пережил, было действительно трудно. Но я все еще считаю, что это был просто офигенный опыт. Ничего подобного не было ни у кого из моих друзей, одноклассников, одногруппников. И я вряд ли хотел бы, чтобы мои дети переживали нечто такое. Впрочем, мое мнение не в счет. Если они захотят подобное пережить, осознанно или нет, то, разумеется, переживут. Но я точно знаю, что именно тот период сформировал во мне многое из того, что делает меня Андреем Онистратом. И, невзирая на все трудности, я вспоминаю тот период своей жизни с огромной теплотой и благодарностью.

Но сколь бы лестно я ни отзывался о том времени, отношения между мной и Лелей трудно было назвать здоровыми. День ото дня становилось только хуже. Мы двигались от легко поправимых недоразумений к ссорам. От ссор к скандалам, а от них — к игнору. Все меньше влечения, меньше секса, меньше тем для общения. Все больше неоправданных ожиданий, обид и конфликтов. Я начал осознавать, что так не может продолжаться вечно, рано или поздно этот пузырь лопнет. Но я никак не решался сделать трудный, но столь необходимый всем шаг. Мне казалось, и я в это верил, что все можно исправить, починить. Обо всем можно договориться, все можно обсудить. Ведь речь не только о нас двоих, но и о ребенке...

Сейчас я понимаю, что подобные рассуждения ничего не меняют. Разрушение неизбежно. Вместо «хороших» решений — пустые обещания, вместо дискуссий — проглоченные обиды. Как раковая опухоль распространяет метастазы по всему организму, так и больная семья отравляет все вокруг себя, выливая невысказанное на всех, кто попадет под руку. Первым страдает ребенок. И если снять, наконец, розовые очки и посмотреть на ситуацию трезво, окажется, что в большинстве случаев ему будет гораздо безопаснее с одним из родителей, чем с двумя

непримиримыми врагами. Для меня это стало очевидным теперь, но тогда я честно пытался что-то спасти, склеить. В ситуациях, подобных этой, я сегодня рекомендую всем поступать твердо и решительно: если отношения обречены, если вы понимаете, что лишь оттягиваете неизбежное, — расходитесь. Делайте это корректно, берите на себя обязательства, которые появились у вас с рождением ребенка, оставайтесь отцом, но уходите. Каким бы трудным ни был этот шаг, иное будет предательством, причем не только по отношению к вам. В несчастливой семье несчастливы все одинаково: и вы, и супруга, и ваши дети. В бизнесе это называется «отсечь лосей*». Нужно избавляться от непрофильных активов, даже если операция убыточна. Даже самый дорогой актив становится пассивом, когда начинает генерировать в балансе минус. Купил по глупости квартиру в 2007-м, каждый месяц оплачиваешь коммунальные услуги, а сдать не можешь? Продавай! Вдвое дешевле, чем купил, втрое, если рынок просел глубже, но продавай. Не нужно иллюзий, что «все наладится», промедление недопустимо. Так или иначе, но действуй.

* * *

Когда Вите было два года, Леля в очередной раз уехала на летнюю сессию. Так было и прежде: она уезжала сдавать свои экзамены, я оставался сдавать свои. Я на круглые сутки уходил в режим учебы, питался только черным хлебом с салом и луком, сникерсами и запивал эту снедь кофе со стущенкой. Все как всегда. Только на этот раз я не позвал Лелю назад, а она сама ехать не стала. На том наши отношения и завершились.

Официальный развод, о котором поначалу мы даже не говорили и который затем стал чем-то совершенно естественным,

* Слово «лось» здесь — производное от английского *lost* — потери, убытки. — Прим. ред.

мы не могли оформить очень долго. Нам мешали то моя работа, то очереди в суде, то Лелин график. Шли дни, месяцы, а мы даже не могли добраться до суда так, чтобы оказаться у стен учреждения в один и тот же момент. Когда же нам это наконец удалось, выяснилось, что нашим разводом должен заниматься суд другого района. И опять все по кругу. На определенном этапе у меня сложилось впечатление, что развод, как событие, вообще невозможен, а сам процесс, растянувшийся в итоге на годы, настолько сильно меня пригрузил, что я принял твердое решение больше никогда в жизни не связываться с дворцом бракосочетания.

Разумеется, мы все же развелись. Ситуацию пришлось дожать усилием воли, когда у меня уже родился второй ребенок.

Увы, мне не удалось сохранить нормальные отношения с Лелей, о чем я сожалею до сих пор. Прежде всего потому, что перманентный конфликт между нами, обиды, которые разъедали Лелю, тяжким грузом легли на Виту. Не сломали ее, но сильно изменили, в том числе и по отношению ко мне. Я поступил некорректно с самого начала. Я должен был усадить Лелю перед собой за стол, взять лист бумаги и записать по пунктам все, что каждый из нас должен выполнить. А потом неукоснительно, до последней запятой, сделать все так, как написали, закрыть каждый вопрос, каждую обиду и претензию. Но я ничего этого не сделал. Хуже того, спустя некоторое время, когда влип в историю с ограблением, я на довольно продолжительное время вообще выпал из процесса. Не видел и не слышал дочь, не давал никаких денег — у меня их просто не было. А потом, когда ситуация нормализовалась, Леля отказалась принимать от меня деньги, потому что обиделась. В ее глазах я был полным уродом. Остаюсь таковым и сейчас. Мудаком, который бросил жену с двухлетним ребенком на руках и до пяти лет «не давал ни копейки». Худо-бедно наладить отношения мне удалось только спустя три года и лишь благодаря лояльному отношению ко мне тестя.

Хоть и очень неохотно, он согласился уговорить Лелю пойти на встречу, принять деньги и позволить мне общаться с Витой.

Я знаю, кем в сознании Лели являюсь, знаю даже, в каких формулировках она определяет мой статус. Наверняка во многом она права или, как минимум, имеет право на подобные суждения. Но вот в чем я с ней категорически не согласен, так это в том, что в историях с расставанием один из родителей имеет право формировать отношение ребенка к другому. Каким бы плохим ни был отец, какой бы ни была мать, оба они необходимы ребенку. И правом судить наделен только он сам. Более того, задача родителей — сохранить хотя бы видимость нормальных, дружеских отношений. И ведь очень часто цена такого формата измеряется весьма конкретными суммами, не всегда космическими. Конечно, найдутся и те, кому нужны самолеты и яхты, но зачастую цена вопроса куда скромнее и измеряется сотнями, а не тысячами долларов.

Я категорически не согласен с теми мужчинами, которые полагают, будто в силу каких-то обстоятельств они могут снять с себя обязательства перед ребенком. Касается ли это финансового обеспечения, воспитания или простого внимания. Но в первую очередь мужчина, покинувший семью — сам ли, по соглашению сторон или по воле женщины, — должен обеспечить ребенка деньгами. Закрывать минимум три четверти всех расходов на содержание ребенка. Это железное правило не имеет исключений.

История наших с Лелей отношений тянется по сей день. Она, история, оставила неутешительное наследие — раненую и травмированную Виту. Я пытался исправить хоть что-то и непременно буду пытаться еще, но пока я стою посреди буферной зоны, как герой Тома Хэнкса в фильме «Терминал». Без прав, с одной лишь надеждой. В этой зоне нет никаких отношений между отцом и дочерью, остались только обиды, злость и разочарование. Некоторое время назад Виктория Онистрат стала

Викторией Спиваковской. Сменив фамилию отца на девичью фамилию матери, она продемонстрировала свой протест против меня. Показала свое отношение ко мне. Я понимаю, что во многом это плоды тех ядовитых зерен, которые посеяла Леля в голове Виты много лет назад. Она поливала их и полола, удобряла и защищала от заморозков. Сейчас они выросли в полноценные деревья и приносят богатый урожай. Я не снимаю с себя ответственности, но не стремлюсь брать ее сверх обязательств. Сейчас я понимаю, что иначе, пожалуй, не могло выйти.

Мы были близки с Витой, она любила меня и, конечно, любит и сейчас, не позволяя себе признаться в этом. Но это не мешало ей помнить о том, что я, как говорила ее мать, «мудак». Она много раз припоминала мне историю о том, как мы договорились с ней встретиться у подъезда, она прождала меня на улице целый час и, так и не дождавшись, вернулась домой. Допускаю, что такой эпизод имел место, хотя не помню его. Но важно другое. На самом деле это лишь демонстрация глубины обиды, которая живет в Вите по отношению ко мне.

Наш с ней совместный проект... Я пытался помочь ей встать на ноги, отдав в управление пусть и совсем микроскопический, но настоящий бизнес-проект. С полным саппортом, гарантией всесторонней поддержки. Все это было выброшено за борт. Она ушла, хлопнув дверью, оставив за собой только сквозняк и ворох нерешенных проблем...

Я поставил ситуацию на паузу. Я не в силах на нее повлиять. Мне остается только набраться терпения и ждать. Любые попытки наладить, исправить — обречены. Провал неизбежен, а все, что я могу и имею право сказать, обязательно будет использовано против меня. Это тот самый случай, когда лучше промолчать. Я уверен, что все наладится, нужно лишь время...

